

Л. Липатова

Дорогами
часть
вторая **КОЧЕВИЙ**

Красный Север
Салехард
2005

Л 61 ЛИПАТОВА Людмила Федоровна. Дорогами кочевий: часть вторая / Л.Ф. Липатова. — Салехард: Красный Север, 2005. — 368 с. + ил.32 с.

В книге «Дорогами кочевий» отражены впечатления автора от встреч с самыми разными людьми, и прежде всего с коренными жителями Обского Севера. Много Л.Ф. Липатовой довелось увидеть, понять, переосмыслить во время кочевок с оленеводами. Часто общается она и с учеными, исследователями, журналистами, путешественниками. Этнографический и краеведческий материал, приведенный в книге, заинтересует всех, кому небезразлична история края.

Книга проиллюстрирована в основном фотографиями автора.

© Липатова Л.Ф., 2005.

© Рогачева Е.В. (обложка), 2005.

© ГУП ЯНАО «Издательство «Красный Север» (оформление), 2005.

ISBN5-93298-025-7 *(продолжающееся издание).*

ISBN5-93298-048-6 *(часть вторая).*

Тайны урочища Янганя Пэ

Прошло больше года с тех пор, когда Павел Андреевич Косинцев проводил с нами экскурсию по пещерам горного урочища Янганя Пэ. Это самая восточная часть Полярного Урала. В переводе с ненецкого языка означает примерно следующее — отдельно стоящая, отличающаяся от всех остальных гора. Этот массив и в самом деле отличается своими белоснежными вершинами, сверкающими в лучах солнца. Сразу оговариваюсь, белый цвет гор здесь создается не от ледников или снежников, а от мрамора, вернее, мраморированного известняка, из которого они состоят...

Тогда было изумительное время середины августа, когда уже почти нет комаров и мошкары, когда полно ягод и грибов, когда еще можно наслаждаться ласковым теплом северного солнышка, но уже можно любоваться и его изумительными закатами. У нас была большая шумная компания, состоящая из десяти человек: пятеро взрослых и пятеро детей. На красивой поляне, расположенной у подножия гор, в окружении лиственниц мы поставили чум и палатки. Со всем недалеко протекал шумный горный ручей с вкуснейшей водой, а на другом склоне ручья среди деревьев видны были палатки. Я сразу же подумала, что это экспедиция палеонтологов, которая работает в этих местах уже четвертый год. Более того, я даже надеялась, что мы застанем их в горах и я смогу с ними пообщаться, посмотреть на места раскопок, узнать, что они там нашли интересного. Конечно, мне очень хотелось увидеть там своего давнего знакомого П.А. Косинцева — заведующего зоологическим музеем Института экологии, растений и животных Уральского отделения Российской академии наук, кандидата биологических наук и руководителя этой экспедиции из Екатеринбурга. Быстренько форсировала водную преграду и устремилась к виднеющимся палаткам. У них как раз было время обеда, так что все были в сборе во главе с Павлом Андреевичем, чему я была несказанно обрадована. В лагере были расстелены куски брезента, на которых сушились всяческие кости. Мой не-

просвещенный взгляд не увидел там ничего интересного — так, всякая мелочь. Правда, мне тут же показали на кости соболя, мышей-полевков, различных птиц и так далее. Но мне-то хотелось увидеть останки мамонта, шерстистого носорога, овцебыка или, на худой конец, какого-нибудь древнего медведя. Но, оказывается, самая мелкая косточка может очень многое рассказать сведущему человеку о том, что в этих местах росло, жило, летало несколько тысячелетий назад. Как со временем изменялось количество и качество растущего и живущего. Павел Андреевич тогда просветил меня:

— Вообще это урочище Янгая Пэ уникально тем, что это самый северный в мире карстовый район, по крайней мере, я в литературе таких данных не нашел. Карст — это, как известно, растворение горных пород водой и формирование в горах пещер, гротов разного рода и других так называемых карстовых явлений. Так вот, в этом самом северном в мире карстовом районе сформировались небольшие пещеры и гроты, в которых лучше всего сохранились остатки прошлых экосистем. Дело в том, что современные экосистемы, которые мы видим, они ведь далеко не всегда были такими. И в разных природных зонах экосистемы менялись по-разному. Допустим в южных экосистемах, например в степи, могла быть то степь, то пустыня, а то лес мог вырасти, в зависимости от изменений климата. Районы тундры и горных тундр фактически не изучены именно в смысле истории экосистемы. Наша задача и состоит в том, чтобы посмотреть, что же представляли эти горные экосистемы несколько тысяч лет назад. С этой целью мы и проводим наши исследования. Методика наших работ достаточно проста. Находятся, исходя из нашего опыта, места, где могут быть сохранены остатки экосистем. Что это такое — остатки экосистем? Это остатки растений и животных, которые когда-то жили и росли на этом месте. Практически во всех природных зонах такие скопления остатков есть. Они обычно бывают разной мощности, то есть от нескольких сантиметров и больше. Это фактически рыхлые отложения. Со стороны это выглядит как земля, просто слой рыхлой земли, но на самом деле эта земля содержит остатки былых экосистем. Это кости, остатки растений и насекомых, то есть там могли сохраниться в течение тысячелетий самые различные компоненты экосистем прошлого. И вот мы нашли несколько мест таких захоронений в горах. Ими оказались гроты урочища Янгая Пэ, которые мы сейчас изучаем. Что это значит? Просто в таком

гrote закладывается шурф. Для этого выбирается обычно метр на метр площадка и вскрывается тонкими слоями, земля выносятся. Эти отложения разбираются аккуратно ножом. Все промывается на мелких ситах, чтобы сохранились мельчайшие остатки насекомых, растений, животных. Потом все это собирается, пакуется, вывозится в лабораторию, там изучается, и в конце концов делается заключение о том, что тут когда-то жило, росло и так далее.

На следующий день Павел Андреевич провел с нами увлекательнейшую экскурсию по всему урочищу. Наш поход занял несколько часов. Мы поднимались вдоль горных ручьев, залезали в обследованные учеными гроты, побывали около покинутого несколько лет назад гнезда канюка. Здесь тоже проводились ими работы и сушились на брезенте остатки того, чем питались эти громадные птицы на протяжении десятков, а может быть, и сотен лет. Мы видели водопады, пробирались по узким каньонам, забираясь все выше и выше. Мы поражались разноцветным скалам, цветущим горным долинам. Это же надо такую красоту создать!

И все это сопровождалось интереснейшими рассказами об этих местах, которые палеонтологи обследовали самым тщательным образом, обошли все склоны вдоль и поперек за эти годы...

А теперь мы встретились на Слобцовских чтениях, которые традиционно проводит Тюменский областной краеведческий музей имени И.Я. Слобцова. Кстати, в этом году они совпали с 120-летием музея. Конечно, мы сразу же ударились с Павлом Андреевичем в воспоминания о прошлогодней встрече в горах Полярного Урала. Естественно, я не могла не спросить, а что же все-таки показали лабораторные испытания собранных полевых материалов экспедиции.

— Нас в основном интересовало, насколько устойчивы в целом горные экосистемы на том протяжении времени, который мы можем изучить. Вот сейчас уже получены предварительные данные о самых древних отложениях, которые мы там нашли. Они имеют возраст порядка четырех тысяч лет. К сожалению, более древних мы не нашли, возможно, потому, что мы далеко не все изучили. Дело в том, что можно заложить шурф в том месте, а можно было его сдвинуть в другую сторону, а там могли быть отложения более мощные и, следовательно, более древние. Самая перспективная пещера для дальнейшего изучения на западном склоне, щелеобразная, помните?

Еще бы мне не помнить! Во-первых, это было уже в конце нашего путешествия, и там мы сделали большой привал, потом мы попытались проникнуть вглубь этой пещеры, так как Павел Андреевич сказал, что она самая большая в глубину, до 30 метров. Но уж очень она низкая. Сначала можно еще как-то на корточках перебираться, а потом и вовсе приходится ползком вперед двигаться. Сейчас вот рассматриваешь фотографии, сделанные в том походе, и снимки наполняются глубиной, объемом, кажется, что оживает само время. Между тем П.А. Косинцев продолжал:

— Конечно, желательно бы там еще поработать. Ведь отрезок в четыре тысячи лет не такой большой. Мы знаем по другим территориям, что за этот отрезок времени очень сильных изменений произойти в строении экосистем не должно. И действительно, сильных каких-то, коренных отличий в составе фауны и флоры мы не обнаружили, хотя тогда на этих территориях было больше древесной растительности, обитало больше лесных животных. В частности, по найденным в тех местах косточкам трудно сказать, обитали ли куница или соболь в те времена (кстати, животные того и другого вида сейчас там встречаются). Одна из пещер использовалась бурый медведь в качестве берлоги для зимней спячки, там он выводил детенышей, судя по их выпавшим молочным зубам. В более поздних слоях этих остатков уже нет. Это не значит, что бурый медведь там не живет, но просто его численность, видимо, стала гораздо меньше. То есть, в целом, за последние четыре тысячи лет на этой территории уменьшилась облесенность территории и уменьшилось количество особей лесных видов. Мы наблюдаем это постепенно, по слоям. Остатки лося появляются в гораздо меньшем количестве, значит, и его количество упало. Основой этих экосистем все равно были лесотундровые экосистемы с преобладанием северного оленя, песца. Лисицы очень мало было. Из полевок там по-прежнему доминировали почти все это время лемминги, узкочерепная полевка, полевка Миддендорфа. Но вот тогда, когда еще обитала куница и было больше медведей и лосей, там было больше лесных так называемых полевок. В целом мы застаем самый последний этап эволюции экосистемы этого района. Нужно сделать еще радиоуглеродные датировки, чтобы определить скорость изменения экосистемы. А для проведения этих анализов необходимо изыскать средства. Нужно попытаться выявить роль человека в этих изменениях, оказывал ли он какое-то

влияние на изменения экосистемы, в обезлесивании территории, или это все естественные процессы. Здесь нам помогут дендрохронологи, дендроклиматологи, которые изучают остатки древесины и по ним реконструируют климат, так что можно будет сопоставить — менялся или нет климат и, соответственно, как менялась фауна, флора района. В целом работы впереди еще много, но по крайней мере в одном мы твердо уверены, что леса на Ямале были, но постепенно они, к сожалению, исчезли. Скорее всего, в этом виновато изменение климата.

Задала я вопрос Павлу Андреевичу и о возможности проживания в этих гротах людей. Хотя и тесные они, но все же. А вдруг что-нибудь интересное нашли?

— В одной из пещер, которая самая глубокая, были найдены кости человека, кости черепа. Сначала мы их нашли на поверхности под навесом, а потом в ходе раскопок еще и в нижних слоях нашли. Это был ребенок, у него шла смена зубов. Других костей не найдено. Может быть, хищники затащили, откуда-нибудь с хальмера унесли. И еще мы нашли согнутый железный нож. Судя по внешнему виду его можно датировать, видимо, X—XIV веком нашей эры. находка лежала примерно в двух с половиной метрах от входа, фактически в самом конце грота. Просто так нож туда закатиться не мог, потому что туда нужно ползти. Я считаю, это жертвоприношение, потому что он согнут. Других археологических находок нет. Правда, около одной пещеры в слое почвы была найдена бусина. Это, скорее всего, XIX, начало XX века.

Результаты исследований уже частично опубликованы в научных сборниках в виде статей. Экземпляры каждой их них П.А. Косинцев обещал передать в окружной музей. Сейчас идет работа по созданию книги по истории экосистем, в которой будет представлен не только район Янгая Пэ, но также материалы, наработанные в других регионах, например, западного склона Урала, полуострова Ямал и др. Она будет охватывать более широкий круг вопросов.

Остается только еще добавить, что Павел Андреевич Косинцев, начиная с 1979 года, побывал во многих местах нашего огромного округа — Полярный Урал, низовье Оби, Ямал, принимал участие в раскопках Надымского городка. Между прочим, сейчас археологи очень часто приглашают П.А. Косинцева для консультаций как эксперта, как крупного специалиста в вопросах палеонтологии. Он меч-

тает побывать на Гыдане, потому что этот район совершенно не обследован еще Институтом экологии. Как он сам говорит:

— Процесс познания бесконечен. История природы Ямала изучена еще очень слабо. Бесспорно, сейчас работы в округе и по археологии, и по палеонтологии, и по истории экосистем пока имеют разведочный характер. Специализированного, целенаправленного исследования не велось. Мы открываем только первые страницы в истории природы. Очень плохо исследована эпоха мамонтов. Сборы костей есть, но ведь кости костями, а они должны «заговорить», рассказать о себе: и кто жил вместе с ними, и что там росло, и как они жили. Это целая большая область, которая совершенно не исследована толком. Дай нам Бог здоровья, времени и возможностей материальных. Будем работать и попытаемся расширить, развернуть эти работы, но пока что можем, то и делаем.

16 ноября 1999 года. Тюмень

Заведующий Зоологическим музеем Института экологии, растений и животных Уральского отделения РАН Павел Иванович Косинцев в горах Полярного Урала. Горный массив Янганя Пэ. Август 1998 г.

Научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук Наталья Анатольевна Алексашенко со своим любимым микроскопом. Салехард. Апрель 2000 г.

Ведущий научный сотрудник проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории Уральского государственного университета Любовь Львовна Косинская, заведующий лабораторией дендрохронологии Института растений и животных Уральского отделения Российской академии наук, член-корреспондент РАН Степан Григорьевич Шиятов, собирательница фольклора из Тарко-Сале Пуровского района Ирина Сергеевна Хэно в окружном музее. Салехард. Февраль 2000 г.